

Нет автора

Журнал «Огонек»

№13, 1962

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Н57

Нет автора

Н57 Журнал «Огонек»: №13, 1962 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 44 с.

ISBN 978-5-458-70643-8

«Огонёк» — российский и советский общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный еженедельный журнал. С 1923 года выходит в Москве. Первый номер журнала вышел в свет 9 декабря (21 декабря по новому стилю) 1899 года как еженедельное иллюстрированное литературно-художественное приложение к газете «Биржевые ведомости», издателя Станислава Проппера. В 1918 году выпуск журнала прекратился и был возобновлен стараниями Михаила Кольцова в 1923 году. До 1940 года — выходило 36 номеров в год, с 1940 года — еженедельник. В советское время журнал выпускался издательством «Правда», в котором, как приложение к журналу с 1946 года, также выходила «Библиотека „Огонька“» — собрания сочинений отечественных и зарубежных классиков.

ISBN 978-5-458-70643-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

И. ТУНКЕЛЬ, А. ГОЛИКОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

«16 марта 1962 года в Советском Союзе
произведен очередной запуск искусственного
спутника Земли».

Из Сообщения ТАСС.

УЛИЦА СПУТНИКОВ

Представьте себе, такая существует! Она состоит из маленьких желтых домиков с пирамидальными или цилиндрическими крышами. Недалеке от стены поднимается лес. Вечерами крыши домиков раскрываются, словно створки раковин, и в небо нацеливаются объективы фотографических камер. Эти домики — павильоны, из которых ведутся фотографические наблюдения за искусственными спутниками Земли. Здесь расположена экспериментальная станция Астрономического совета Академии наук СССР.

Мы сидим в одной из лабораторий станции и слушаем рассказ младшего научного сотрудника Ильи Хасанова об искусственных спутниках, о методах наблюдения за ними. Уже первый советский спутник, запущенный в октябре 1957 года, помог значительно расширить круг научных исследований и позволяет ученым решать новые технические задачи.

С помощью спутников, например, можно создать всемирное телевидение, осуществить сверхдальнюю радиотелефонную и радиотелеграфную связь. Спутники можно использовать как космические радиомаяки, по которым будут прокладываться путь морские, воздушные и космические корабли. Спутники позволили точнее и быстрее определить форму Земли. Это только часть проблем, в решении которых спутники оказывают неоценимую помощь.

Хасанов показывает нам карту земного шара. На ней нанесены станции наблюдения за искусственными спутниками. Такие станции есть почти во всех странах. Ведь сейчас вокруг Земли в космосе летают новые небесные тела, созданные руками человека. Это не только спутники, но и ракетостелы.

— Движение спутников, — говорит Хасанов, — в сравнении с движением обычных небесных тел имеет свою особенность: элементы орбит спутников быстро меняются. Это происходит из-за сопротивления, которое оказывает атмосфера. А величину этого сопротивления можно вычислить только с помощью очень точного наблюдения за спутниками. Кстати, некоторые из них ведут себя совершенно неожиданно для ученых. Например, американский спутник «Эхо». Это огромный баллон диаметром в 30 метров. В космос его отправили в сложном виде, поместив внутри кристаллический порошок, который при нагревании быстро превращается в газ.

Выйдя на орбиту, оболочка спутника нагрелась и раздулась. Ученые считали, что «Эхо» будет существовать недолго, и ошиблись: неожиданно круговая орбита спутника стала вытягиваться, превратилась в эллипс, потом снова стала круговой, а теперь опять вытягивается. Оказалось, что на спутник такого большого

размера и очень легкий влияет давление солнечных лучей. Они действуют на «Эхо» с силой примерно в полграмма, но в космосе этого достаточно, чтобы изменить орбиту этого спутника.

— А как производится фотографическое наблюдение?

— Увидите, если метеосводка правильная, — отвечает Хасанов, с сомнением глядя в окно.

Его сомнения разделяем и мы. Над станцией, изалась, навечно повисли серые низкие тучи. Они упорно сыплют густым крупным снегом. Но да здравствуют метеорологи! К вечеру поднимается северный ветерок, тучи уходят, и в ясном небе замигают первые, еще неяркие звезды. Улица Спутников оживает. Приближается весьма ответственный момент: фотографирование небесного тела, запущенного человеком.

Из Вычислительного центра СССР поступило сообщение о том, что сегодня над станцией пройдет советский искусственный спутник. В сообщении указаны время и примерные координаты. Астрономы наводят в небо объективы фотографических камер и напряженно ждут. Мы тоже нетерпеливо поглядываем на часы, пожимаясь от мороза.

— Вон идет! — указывает Хасанов на край горизонта и припадает к аппарату.

Мы смотрим, но ничего не видим среди яркой россыпи звезд. И вдруг — вот он! — похожий на яркую звезду спутник быстро наткнется по ночному небу. Уже пятый год летают вокруг Земли спутники. Слово это стало обыкновенным, и все же, когда своими глазами видишь спутник, летящий во Вселенной, испытываешь волнение и удивление перед этим творением человека.

— А сколько времени он будет виден? — спрашиваем мы.

Но для Хасанова уже не существует ничего, кроме спутника. Он наводит аппарат и нажимает затвор. Снова наводит и фотографирует. Движения астронома быстрые, четкие, и сам он сейчас, какой-то подбористый, целеустремленный, напоминает охотника на тяге, бьющего птицу влет. И этот охотничий азарт заразителен. Мы всецело поглощены полетом спутника, действиями Хасанова и болеем за него: успеет ли еще раз сфотографировать?

Работа эта требует определенного мастерства. Спутник летит быстро, а надо, чтобы он попал в центр снимка. На станции работают молодые, но опытные «охотники» за спутниками. Младший научный сотрудник Анатолий Крылов, например, за прошлый год сделал более 1 200 фотографий спутников. А младший научный сотрудник Владимир Беленов мастерски снимает слабые спутники, те, которые светятся неярко и трудно различимы на небе.

Много удачных съемок у Валентина Юренича. Валентин говорит, что в их работе и научному интересу примешивается и спортивный: не упустить спутник, сделать как можно больше фотографий за время полета. Яркая звезда описывает на небе дугу и закатывается за лес. Результаты съемок будут обрабатываться завтра.

...Мы попадаем в помещение, сплошь заставленное различными аппаратами. Здесь помещается «служба времени» — одна из самых ответственных на станции наблюдений за спутниками. Ведь для всех последующих расчетов необходимо знать, когда именно получено изображение спутника. И момент этот нужно определять с большой точностью. Спутник проходит за одну секунду в километрах. Затвор фотоаппарата автоматически соединен с хронографом, который отмечает время открытия и закрытия затвора с точностью до тысячной доли секунды.

И все же есть осязательные погрешности. Ведь пока открывается и закрывается затвор, тоже проходит доли секунды. Они не учитываются хронографом. Астрономы стараются сопоставить время, не поддающееся учету. Младший научный сотрудник Валентин Юренич сконструировал затвор для фотоаппарата, работающий с помощью электромагнита. Это должно повысить точность наблюдения.

— Наша вчерашняя съемка, — Юренич показывает проявленный негатив.

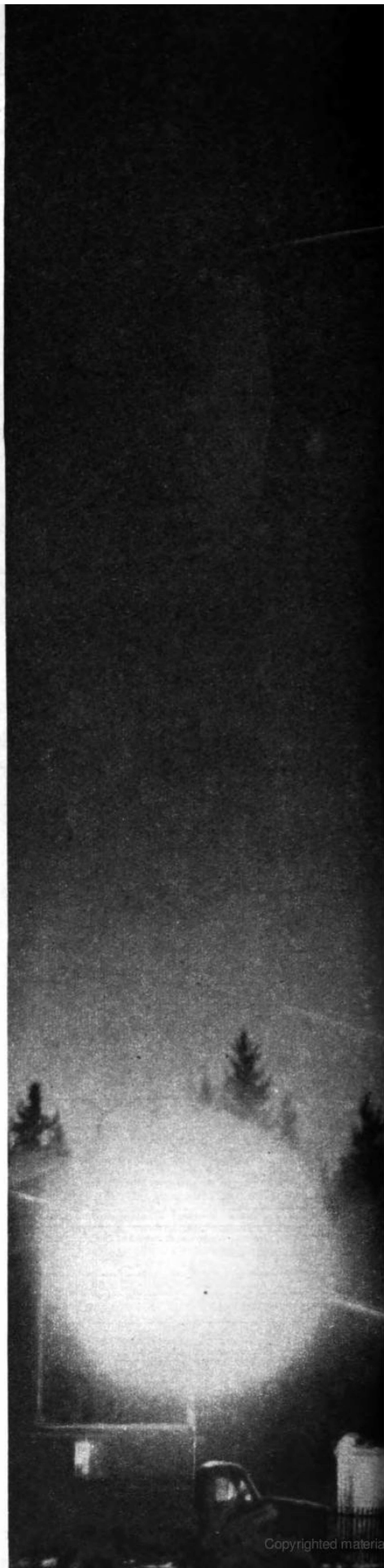
Спутник запечатлен на нем в виде коротких штрихов на фоне звездного неба. Лаборант Гаяль Иопитина определяет, около каких звезд проходит спутник, и выписывает из каталога их координаты. Затем негати в поступает на координатно-измерительную машину, которая с точностью до одного микрона определяет положение звезд и изображение спутника на негативе.

Теперь все данные есть. Остается только произвести математические вычисления, чтобы определить координаты спутника на небесной сфере. Но если бы этим занимались люди, то потребовался бы большой штат вычислителей. На помощь приходит счетно-электронная машина. Она стоит в просторном двухсветном зале. В высокие окна с любопытством заглядывают ветви елей. Мягко гудит мотор, вспыхивают и гаснут лампочки, черной змейкой ползет лента с программой вычисления. А в стороне — аппарат, похожий на автоматическую кассу, печатает конечные результаты вычислений.

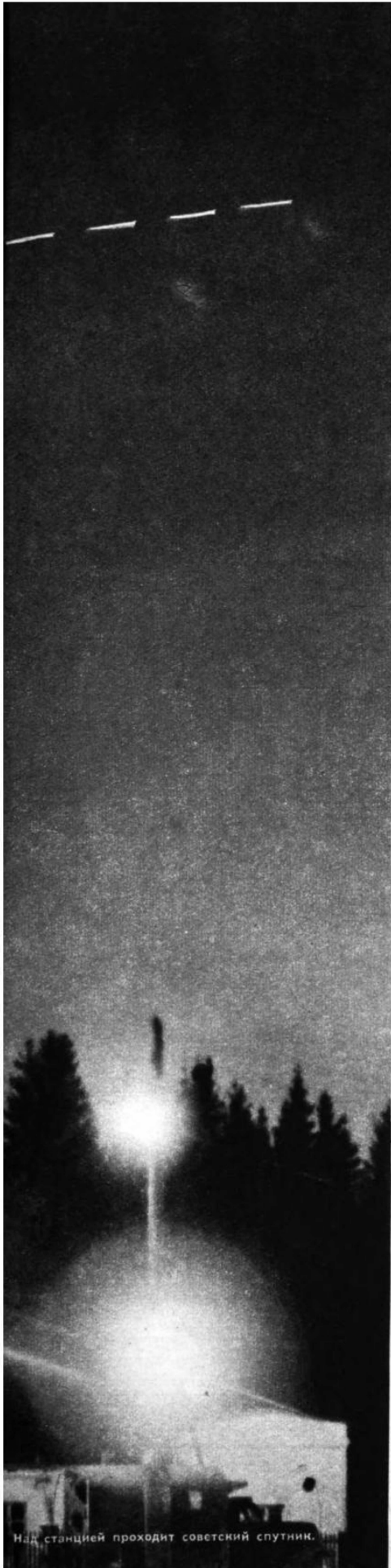
...Мы покидали станцию вечером. Небо было ясным, и когда, сделав поворот, дорога вышла из леса, мы увидели улицу Спутников. Крыши павильонов были открыты. Астрономы готовились к очередному наблюдению.

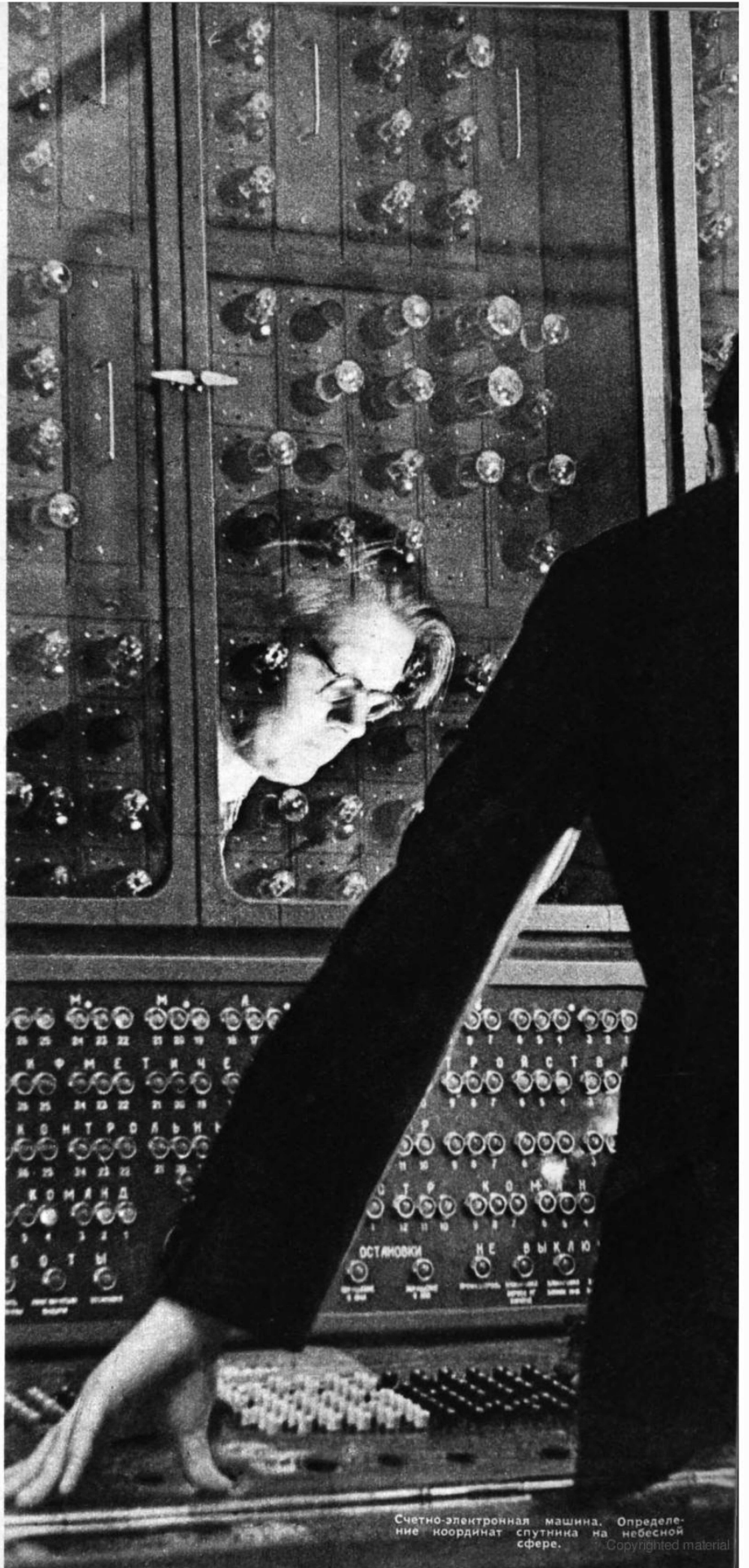
В объективе — спутник.

Copyrighted material

Над станцией проходит советский спутник.

Счетно-электронная машина. Определение координат спутника на небесной сфере.

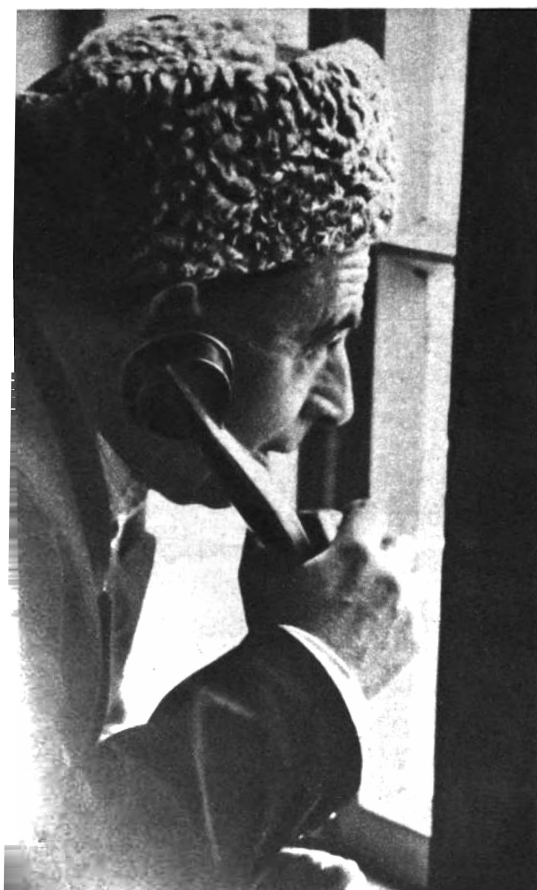
Copyrighted material

Это москвичи из колхоза «Москва». Населяют его почти шесть тысяч человек. Они умеют собирать хороший хлопок, растить сады, строить дома — делать все то, что нужно колхозу, стране. Познакомьтесь с ними. Парторг Мухамедулли Аннаев, сборщица хлопка Гозель Глиджиева, ветеран колхоза Гулли Бегмиев, колхозник Балли Оразов,

врач Ходжа Карамрадов (он учился в Ашхабаде и вернулся в родные места), заместитель председателя колхоза, дочь пастуха 26-летняя Огульбабек Илясова, еще один ветеран колхоза Илли Халимурадов, главный врач колхозной больницы Реджиб Мамиев, счетовод Какиджан Атаев, колхозник Эмир Бекиев. Многих, конечно, нет на этом снимке. В том

„МОСКВА“ И М

А это председатель Джумадулды Атаджанов. Двадцать пять лет стоит он во главе колхоза. По праздничным дням на лацкане его пиджака поблескивает золотая звездочка — он Герой Социалистического Труда. Его колхоз — участник выставки в Москве. В весенние дни у председателя дел — не счесть! Появился утром на полях в правлении, а там, смотришь, запылил его «газик» по дороге: председатель поехал в РТС, потом в поле, а к вечеру еще надо успеть на совещание в обком. В прошедшее воскресенье за кандидата в депутаты Верховного Совета СССР Джумадулды Атаджанова москвичи отдали свои голоса.

Утром на московских улицах слышится шум машин. Москвичи отправляются в поля, на работу.

числе и агронома Аннаберды Курбаналиева. Уже второй год он далеко от родных мест, на Кубе. Он помогает далеким друзьям научиться искусству хлопководства. И делает это, очевидно, неплохо. В письме, которое пришло недавно, он пишет, что вырастил хороший урожай и кубинские друзья просят его остаться подольше.

Борис КУЗЬМИН, Александр СЕРБИН

Вот как выглядит московская земля: аккуратные квадраты, словно страница из огромной тетради в клеточку; узкие арыны, по которым бежит коричневая вода; она заливает квадраты, чистое небо отражается в водной глади, и кажется, будто здесь много-много квадратных голубых озер. Это хлопковые поля.

А между полями тут и там — песок. Знойный ветер закручивает его в столбы, из песка торчат желтые, сухие кусты иолочан, рыжий неуклюжий суслик улетывает от проезжей машины со всех ног. Это аванпосты Каракумов. Пустыня рядом, рукой подать — каких-нибудь пятьдесят километров.

Но земля эта все-таки московская. Потому что принадлежит она туркменскому колхозу, который называется «Москва».

Здесь, где Мургаб-рана, текущая с гор Афганистана, распадается на множество рукавов, люди занимались земледелием издавна. Но туркменские москвичи начинают свою историю с тридцатых годов нашего века, когда «большевики пустыни и весны» принесли сюда идею коллективного труда.

«Москва», конечно, не сразу строилась. Но менялось тут все очень быстро.

Сын батрана, ровесник колхоза Мухамедкули Аннаев сейчас руководит парторганизацией в «Москве». Родился Мухамедкули в икитике, учился в школе, которая была единственным беленым зданием в колхозе, готовил уроки при свете керосиновой лампы. Сейчас он живет в двухкомнатном доме, его дети ходят в колхозный детский сад, а потом пойдут в школу. Школ несколько. Когда в «Москве» строили клуб, колхоз специально приглашал мастеров расписывать в нем стены и потолки. Все изменилось вокруг: и люди, и дома, и земля. И даже Мургаб, который протекает по московским землям, не тот, что прежде. В тресте «Туркменгидрострой» — он ведет по песням Каракумский канал — эту часть реки называют теперь «семишадатный спуском». Уже не вода с гор Афганистана, а жидкая влага Каракумского нанала течет по древнему мургабскому руслу.

Тезка столицы Союза колхоз «Москва» начинает новую весну. Она особенная, эта весна. Пленум Центрального Комитета поставил новые задачи перед хлопкоробами. Москвичам предстоит поднять урожайность хлопчатника на своих полях. Много работы у них и по животноводству. Задачи большие, но и силы у москвичей немалые.

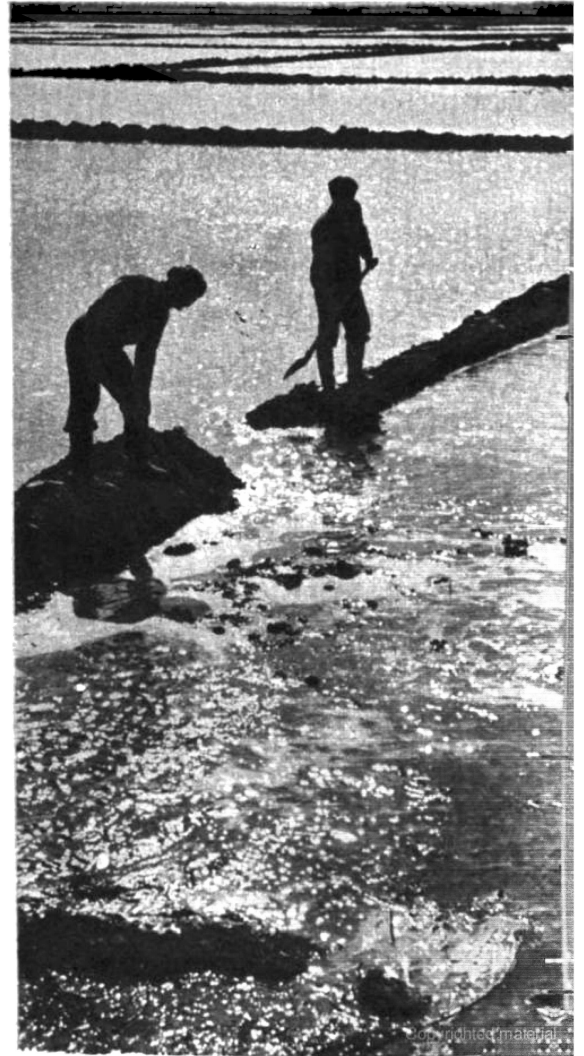
О С К В И Ч И

Эта весна — первая для маленького москвича, который родился в колхозном роддоме 24 февраля. Подошел к окошку старый Атаджан Джумаев, участник борьбы с басмачами. «Как живешь, внук? Как аппетит? Смотри, Халигозель, хорошенько корми малыша, пусть растет на радость делу!»

И вырастет москвич на туркменской земле здоровым, счастливым!..

Непростое это дело — вырастить хороший урожай хлопка. Машины вспахали землю, машины разровняли почву под поля, машины будут сеять, но все равно пока еще не обойдешься без человеческих рук. На полях, залитых водой, работают поливальщики.

Верность

(Из лирического дневника)

Константин МУРЗИДИ

Ленин — вождь, боевой оратор —
По профессии — литератор.
Я об этом узнал давно.
Даже, помню, читал про это
Ладный стих одного поэта.
Не задумался все равно.
А теперь, словно проблеск света,
Та страничка из партбилета,
Та, где ленинскую рукой
Было выведено когда-то
Знаменитое: литератор.

Литератор. А вот какой?
За дубовым столом сидящий?
По бумаге пером водящий?
Мастерок словесной игры?
Это слово по-русски значит —
И никто не переименит! —
Переделывающий мира.

Помни, суть эту забывающий,
На безделках преуспевающий,
Помни и передай другим:
В современники и в товарищи
Мне подходит не подпевающий,
А поющий
партийный гимн!

Гостей партсъезда мы встречали —
Один другого вряд ли знал, —
И зал, взволнованный речами,
Запел «Интернационал».

И голоса слились мгновенно.
Мы люди самых разных стран,
А пели стройно, вдохновенно —
Нам был заповед единый дан.

Волной накатывалось пенье,
Шло, нарастая, к ряду ряд,
Как будто в гору по ступеням
Взбегал штурмующий отряд.

И тот, кто слов иных не помнил,
Петь тоже не переставал:
Он вспоминал их в этом хоре,
В самом звучанье узнавал.

Влюбленный в красоту земную,
В земную жизнь, в страну родную,
Не может честный человек
Начать войну по доброй воле,
Лишь зубы сжав от страшной боли,
Он будет бить — врагу в ответ.

А всей земле давно известно,
Что я живу на свете честно.
Пусть положится на меня
Трудлюбивая планета,
И пусть поймут все страны света:
Я не открою вдруг огня.

Я весь в работе, в добром деле,
Я устремлен к заветной цели,
Я безраздельно отдан ей.
А буду вынужден — не скрою:
Я громовой огонь открою
В защиту Родины своей!

Вот полюбуйся, товарищ,
Доброй работой ткачей.
Ты их, надеюсь, похвалишь
Просто, без громких речей.
Этой матери хватит —
Штука безмерной длины! —
И на весенние платья
И на знамена страны.
Этой матери хватит —
Необычайный моток! —
И на узорную скатерть
И на девичий платок.
Этой матери хватит —
Сверток не знает конца! —
И на костюм космонавта
И на рубашку бойца.
Хватит матери этой —
Крепко сработали мы! —
И на сарпиночку лета
И на холстинку зимы.
Хватит матери этой —
Горы ее у меня! —
И на полоску рассвета
И на полотнище дня.
Хватит матери этой —
Столько ее нанески! —
Сини небесного цвета,
Зелени мирной земли.
В ситец и в шелк одевайся —
Будет приятно ткачу —
И навсегда оставайся
Верен во всем кумачу!

В Москве все больше новых зданий,
Все больше в ней красивых мест...
Взамен закрытых заседаний —
На всю страну партийный съезд.

Не по особому декрету —
Проходят, сердце веселя,
По театральной билету
В ворота Спасские Кремля.

И было странным лишь сначала,
Что это так, лишь с первых дней
От удивления качало,
Потом пошло ровней, ясней.

Мир в самом главном неизменен,
Не отступил от своего.
И всюду Ленин, всюду Ленин,
Как в годы детства моего.

К 30-ЛЕТИЮ КАРАКАЛПАКСКОЙ АССР

У колодца Терень-Кудук, на плато Устюрт, выросла бурная сиважина. Разведчики Каракалпакской конторы бурения ищут здесь нефть и газ. Вертолет только что доставил сюда новое оборудование.

Фото автора.

Т Р И Ц В Е Т А

Два цвета бросятся в глаза человеку, который посмотрит на этот край сверху. Желтый и синий. Желтое море — песка и голубые островки воды. На случайное море, омывающее Каракалпакцию с севера, называется Аральским. «Арал» значит остров. Там, где желтый и синий цвета соприкасаются, они словно бы смешиваются и рождают на своих границах третий цвет — зеленые пятна оазисов. Почти вся земля, которая возникла

здесь, в краю каменных и песчаных пустынь, — это творение рук маленького, но упорного и трудолюбивого народа. Хлопковые и рисовые поля, тополя аллеи, тувовые рощи... За короткий исторический срок республика совершила стремительный шаг от патриархально-феодалного строя к социализму. Сегодняшняя Каракалпакция — это страна современного земледелия и бурно развивающейся промышленности. В краю, где из тысячи че-

ловек лишь пять-шесть могли читать и писать, открыты свои техникумы и институты. А недавно создан филиал Академии наук Узбекской ССР.

Каракалпакский народ вносит свою лепту в общее дело создания изобилия. В прошлом году республика собрала государству 219 тысяч тонн хлопка. Рыбные консервы Муйнакского завода можно встретить в магазинах Ташкента и Свердловска, Киева и Алма-Аты. А семена каракалпакской люцерны, каракалпакский каранул — сур — славятся и за океаном. Новая статья вывоза из республики — пушнина. В дельте Аму-Дарья создан крупный звероводческий центр. Он поставит мех ондатры, норки, песца, чернобурой лисы.

В ближайшие годы карта республики сильно изменится. Гигант бумажной промышленности вырастет в районе Кушграда. Он будет вырабатывать из замыша картон, целлюлозу, бумагу. Через Каракалпакцию пройдет трасса газопровода на Урал. Рисовые совхозы закладываются на орошаемых землях. В пустыне и на плато Устюрт создаются новые центры марикультуры и верблюдоводства.

Желтому цвету на карте Каракалпакции придется потесниться!

Вл. КРУПИН

Первый весенний луч

Дыхание весны коснулось и Заполярья. Над далекой Чукоткой взошло солнце. Еще тускло и скупо льет оно свой свет на заснеженную тундру, но навстречу его лучам из-под толщи снегов пробиваются тонкие стволы нарликовых березок. Одиноко, сиротливо вы-

глядывают они из-под пушистого покрывала, ожидая прихода тепла, чтобы одеться в зеленую листву и своим сиромым нарядом сразить однообразие тундры.

И. СОЛОВЬЕВ

Фото автора.

Б. Домашников (Уфа). НОВАЯ ОКРАИНА.

Из серии «Уральский городок». Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

С. Лыени (Казань). НА ПРОСТОРАХ ТАТАРИИ.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

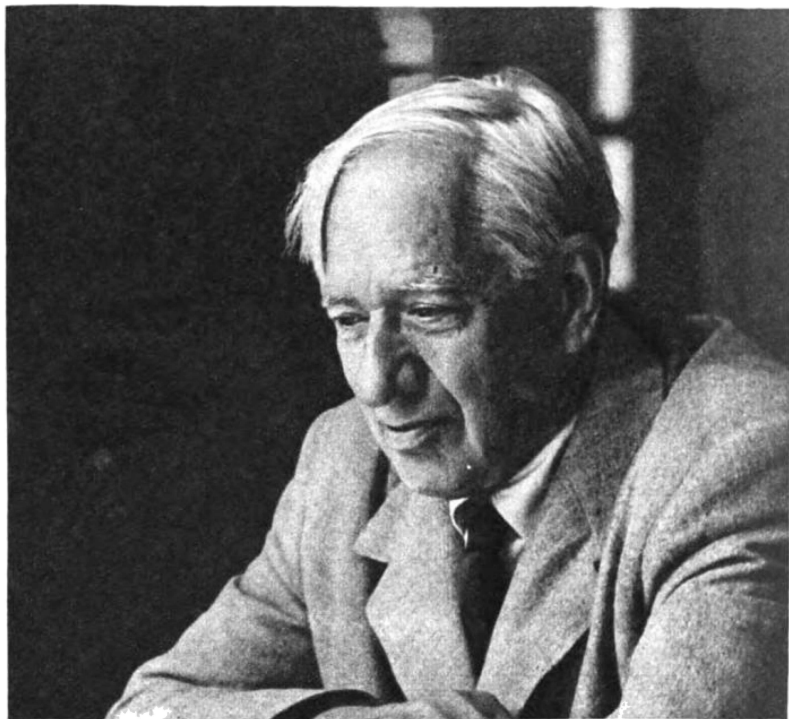
А. Даниличев (Москва). ЛЕНИНГРАД. ВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Каждый день на рассвете

Валентин БЕРЕСТОВ

Корней Чуковский. К 80-летию со дня рождения.

Фото И. Туннелла.

Общение с Корнеем Ивановичем Чуковским никогда не бывает будничным.

Муха, муха, цокотуха,
Позолоченное брюхо!
Муха по полю пошла,
Муха денежку нашла.

Услышав эти строки, малыш, который едва лепечет и еще не может правильно произнести половину согласных звуков, отрывається от игрушек, в его глазах вспыхивает живой и радостный интерес, он всем своим существом включается в игру, полную действия, событий, приключений, веселья. Творится доброе дело: муха с позолоченным брюхом вводит его в мир, казалось бы, элементарных, но подлинных человеческих чувств — малыш радуется добру и веселью, презирает трусость, ненавидит зло. И вместе с тем он радуется живому полновесному слову, заражается ритмами, интонациями, отвечает вдохновенным на вдохновение поэта, входит в мир поэзии.

А как великолепно сам Корней Иванович играет с детьми! Я помню его в красочном уборе индейцев, слышу, с каким увлечением он читает малышам свои сказки, пересказывает замечательный древнегреческий миф про Персея и Андромеду, вижу, как потом вместе с ребятами он бродит по лесу, хохочет, шалит, жонглирует палкой, которая ему нужна явно не для того, чтобы на нее опираться. А ежегодные костры «Здравствуй, лето!» и «Прощай, лето!» с традиционной платой за вход — вловыми шишками! А детская библиотека, построенная Чуковским, где все предусмотрено: и игрушки для малышей и специ-

альные скамейки на свежем воздухе для нетерпеливых читателей, — есть же такие энтузиасты, которые не в силах идти до дому, если у них в руках интересная книжка.

Чуковский не только друг детей, но только детский писатель. Это выдающийся исследователь детской психологии, детского творчества, автор «От двух до пяти», книги, не имеющей себе равных в литературе. Эта книга, над которой Чуковский работает из года в год, не научно-популярная, а просто научная и просто популярная, открыла многим взрослым прекрасный мир ребенка — неутомимого исследователя и творца, повысила самый уровень общения взрослых с малышами, помогла многим из нас увидеть в ребенке человека будущих времен. И когда Чуковский пишет, что «древнее, тысячелетнее, рабье неуважение к ребенку... могла истребить лишь наша эпоха», мы вспоминаем, какую борьбу вел писатель с формалистами, обывателями, халтурщиками, борьбу за сказку, за фантазию, за детскую творческую мечту.

«В наше время, — пишет он, — в эпоху осуществления самых размахистых научно-социальных фантазий, которые еще так недавно казались безумными сказками, нам нужно во что бы то ни стало создать поколение вдохновенных творцов и мечтателей всюду, во всех областях — в науке, технике, агрономии, архитектуре, политике». Во что бы то ни стало! Страстная целеустремленность пронизывает всю книгу.

...Площадь районного городка. Радиорупор над ней никогда не выключается, все к нему привык-

ли, словно его и нет. Но вот над площадью звучит голос, к которому невольно прислушиваются, тут и там останавливаются люди, увлеченные передачей: Чуковский говорит о Некрасове.

Все, кто знает Корнея Ивановича, помнят то особое чувство приподнятости, бодрости, свежести, которое испытываешь при каждой встрече с ним. Я был четырнадцатилетним мальчишкой, когда показал ему первые свои стихи. Встреча с Чуковским изменила всю мою жизнь. Со мной, как и со многими молодыми и немалыми литераторами, он был удивительно щедр, доброжелателен и строг. Незаметно для меня он воспитывал мой вкус, вводил в мир большой литературы. В его великолепном исполнении я впервые услышал и «Колокольчик» Полонского, и «Сон Попова» А. К. Толстого, и «Весну» Тютчева, и «О доблестях, о подвигах, о славе» Блока, и рассказ Слепцова «Питомка», и «Знаменитого Павлука» Ниллина, и «Королеву Элинора» в переводе Маршак, и «Страну Муравью» Твардовского.

Помню чудесные прогулки по весеннему Ташкенту, по зимней Москве, стихи, шутки, поиски какого-то мальчишка, приславшего Корнею Ивановичу рисунки к его сказкам. Мальчик сообщил, что он болен, и Чуковский решил обязательно навестить его. Но, увы, маленький художник, указав номер квартиры, забыл про номер дома. Мы обошли все дома на этой улице, и почти везде Корнея Ивановича узнавали, завязывались веселые разговоры, звучал смех. Мальша так и не нашли: он, оказалось, перепутал и номер квартиры. И тут Чуковский спохватил-

ся: забыл купить клей, а магазины уже закрылись. Зашли за клеем в одну редакцию, снова как-то шутки, рассказы, стихов. Все забыли про цель его прихода, в том числе и сам Корней Иванович. Но когда он уходил, одна из сотрудниц преподнесла ему пузырек с клеем, и мгновенно родился экспромт:

О похитительница клея!
Ты сердце бедного Корнея
Так приклеила к своему,
Что не отклеится ему.

Откуда эта неиссякаемая жизнерадостность, боевой задор, остроумие, энергия, молодость! Где, на каком поле битвы удалось ему, восьмидесятилетнему богатырю, победить старость!

...Каждый день в течение долгих лет он встает на рассвете и садится за работу, молчаливый, озабоченный, строгий, совсем не похожий на того кипучего, любящего движение и оживленное общество человека, каким мы его знаем. Здесь, за письменным столом, в каждодневном сосредоточенном труде, вновь и вновь возрождается и растет сила его таланта, его любовь к жизни. И вот он кончает свой дневной урок, распрямляет плечи и с детской жадностью включается в окружающий мир. Этим он очень напоминает всех настоящих мастеров своего дела, будь они художниками, рабочими, агрономами, конструкторами.

И я верю, что любовь Корнея Ивановича Чуковского к русскому слову, его неустанный размеренный труд дадут ему новые силы, здоровье и долголетие на радость большому и маленьким читателям.

А ведь ты человек, и тебе хочется выпить кофейку — хотя бы в воскресенье. Да если к тому же ты еще и осужден на смерть! Ну как тут без кофе?!

Никос не провел еще и двух недель в нашей тюрьме, в Керкире, после того как его в первый раз приговорили к смертной казни. Он был еще «гостем». И, к сожалению, так и остался нашим «гостем». Мы раздобыли на местном «черном рынке» кофе, мешочек — граммов сто. Принес его надзиратель, получив 200—300 процентов прибыли.

Мы поднялись ко мне в камеру. На самый верх. Я свертывал трубочкой коробки от сигарет и зажигал их под консервной банкой, изображавшей кофейник. А он продолжал разговор:

— Мне, видишь ли, надо во что бы то ни стало продержаться. Они спешат раздалаться со мной.

— Что еще могут они теперь придумать? Все, что можно и чего нельзя было выдвинуть в качестве обвинения против тебя, они выложили на Чрезвычайном. Или, черт побери, все предрешено с самого начала!

— Как бы то ни было, всю эту историю с радиосвязью они сотряпали не без умысла. Затевают новый процесс.

Как раз в те дни, в середине ноября 1951 года, Афины были взбудоражены известием, будто захвачены рации КПГ, секретные коды, шифры. И началась дикая свистопляска антикоммунистической пропаганды. Стали поговаривать о новых судебных процессах. Впутали в это дело и Белояниса.

— Им нужна кровь! За вступление в НАТО нужно платить. И в этой подлой игре человеческие головы — разменная монета.

Он перебрал пачку писем, вытащил письмо для Никоса, отдал ему. А мне сказал:

— Завтра получишь.

Так утешали тех, кому не было писем.

— От адвоката.— Никос распечатал письмо. Не успев прочитать и двух строк, воскликнул:

— Ну, что я тебе говорил! Слушай, что он пишет.

Адвокат писал обстоятельно. Улики против Белояниса были опровергнуты, но было еще неясно, какие дальнейшие планы у судей Никоса. Ясно одно: готовится новый процесс. Никоса замешали в дело о «коммунистических радиостанциях». И в процессе — это гвоздь. Дело «по обвинению в шпионаже» будет слушаться в трибунале. «На основании чрезвычайного закона 375», изданного при диктатуре Метаксаса³. Каждая статья закона 375 — смерть!

— Третий декрет больше не годится,— заметил Никос.— Изобретен шпионаж. Коммунизм? Значит, шпион. Расстрел!

И, обернувшись ко мне:

— Им надо оклеветать нашу партию, выдав ее за партию шпионов. Но это не удастся, тверд орешек. Помяни мое слово, дело идет к тому, чтобы узаконить преследование коммунистов в международном масштабе. Только палка о двух концах. Но об этом поговорим на процессе.

Снизу донесся скрип тяжелых ключей в железных дверях. Вошли надзиратели и стали запирают нас по камерам. Мы поднялись и только тогда заметили, что наш кофе остыл, забытый...

Наутро вся тюрьма гудела о том, что Никоса будут снова судить.

Мы все понимали, что это значит. Но старались отогнать мрачную мысль.

КАК БЫЛ УБИТ Б

Одиссей КОРФИАТИС

Я увидел его в тот момент, когда он стирал белье в лохани из цемента на тюремном дворе. Правильнее будет сказать — когда он пытался это делать. Обе руки его были изранены. И это очень мешало ему. К тому же было холодно, зима стояла у порога. Я подошел, взял у него рубашку.

— Давай,— сказал я,— помогу тебе. Не суй свои раны в холодную воду.

— Можно подумать, что ты здоров! Помоги выполоскать этот рукав. Я буду держать за другой конец. Вот так! Вместе.

Пока мы выжимали его рубашку из грубой ткани, он продолжал говорить:

— Понимаешь, это еще и от неподвижности. Разучился: сколько времени в строгой изоляции! Целый год проморили меня!..

— Держи, но сам не крути. А то уроним белье в грязь.

— Тише! Руку мне сломаешь...

А я еще не закончил свою работу по греческой литературе.

— Как она идет?

— Разве здесь можно по-насто-

ящему работать? Мне еще повезло: я нашел одного охранника с хорошей привычкой читать. Любителя книг. Вот я и уговорил его покупать для меня книги. Он приносил по одной, я прочитывал, а потом дарил ему. Платить мне, конечно, приходилось вдвойне. Плут был не только подпольным любителем чтения, но и спекулянтом. Что подделывал? Взамен он мне давал бумагу от сигаретных коробок и хранил мои записки. Как идет работа, говоришь? Я ее ужимаю. Потому что, того гляди, и нас прижмут. И на сей раз уже как следует...

Стирка окончилась. Я подпрыгнул и повесил белье на решетке двора.

— А теперь пошли выпьем кофейку,— предложил я.

— А есть?

— Есть пустые коробки из-под кофе. Может, вытрясем из них что-нибудь.

В тюрьме тебе скорее дадут лом, чтобы рушить стены, чем позволят выпить кофе. Тебя, видишь ли, считают человеком второго сорта. Впрочем, может быть, это делают потому, что на кофе тюремщики довольно удачно спекулируют.

— Пойдет ли Пластирас¹ на такое преступление?

— Что Пластирас? Командуют американцы. Иногда Пластирас вспоминает, что вышел из народа. А что толку? Во-первых, он очень болен, его не спрашивают ни о чем. Во-вторых, решающее слово имеет только Перифу² и ИДЕА, этот фашистский союз солдафонов. И, в-третьих, именно Пластираса заставят возглавить кампанию казней. Хотя этой кровью помешать объединению демократических сил. Видишь, сколько зайцев собираются убить одним ударом!

Между тем кофе закипал.

— Пусть чуточку остынет,— сказал я.— Жжется металл. Те, кто пьет его из фарфора, кое-что понимают!

— Мне нравятся толстые чашки... Такие вот...

— Но тут вошел староста камеры.

— Письма раздавали,— сказал он.— Товарищ Никос, тебе письмо.

¹ Тогдашний премьер Греции. Известен по событиям 1922 года, после которых в стране была установлена республика 1924—1935 годов.

² Посол США в Афинах.

В течение четырех с половиной месяцев наша тюрьма вместе с греческим народом, вместе с прогрессивной мировой общественностью и всеми друзьями мира жила в беспрепятственной тревоге. Опасения. Надежды. Гнев. Мы испытали всю шкалу переживаний, вызванных этим потрясающим делом.

От газетных сообщений уже несло запахом крови. Заявления официальных лиц — настоящий бред опьяненных кровью. Военный министр адмирал Сакеллару 10 января 1952 года заявил в парламенте о «группе Белояниса»:

— В качестве военного министра я уже предал казни двадцать человек. Даю слово, что казнены будут все!

Он уже принял решение! Суд был излишней роскошью. Но необходимой для пропаганды террора.

Газеты, в частности правые, подчеркивали жуткую роль американцев. Писали: «Американский поверенный в делах г. Йост посе-

³ Метаксас — реакционный политический деятель Греции, установивший в стране фашистскую диктатуру. Выл у власти до 1941 года.